

Мимо лавки опрометью, подобрав одежды, спотыкаясь, налетая друг на друга, мчались люди. Слышны были их разорванные ветром голоса:

— Воистину, он был Сын Божий!

— Завеса в храме разодралась надвое!

— Камни потрескались!

— Боже! Что будет с нами?

Хозяин трясущейся рукой вновь зажёт тусклый светильник. Тьма за окном медленно редела, рассеивалась. Бледные лучи солнца глянули в низкое оконце лавки.

В безысходной тоске Фаустина стиснула руки.

— Сульпиций, друг мой, что нам теперь делать? Всё кончено. Его больше нет! Это был великий праведник. О, горе всем: и тем, кто содеял, и тем, кто допустил его гибель. Теперь никто и ничто не спасёт императора...

Теплые прозрачные волны набегали и соскальзывали с крутых уступов острова Капри. Глубоко внизу слабо светились причудливые коралловые гроты. Фаустина и Сульпиций сошли с корабля на остров.

— Мой верный Сульпиций, я одна пойду к императору, — сказала Фаустина. — Так мне будет легче.

Сульпиций молча кивнул. Он смотрел, как Фаустина поднимается вверх по широкой мраморной лестнице к дворцу императора.

Куда девалась её величавая осанка, лёгкая поступь! Теперь по лестнице с трудом, еле переставляя ноги, то и дело останавливаясь, чтобы отдышаться, поднималась дряхлая, сломленная горем старуха.

Фаустина, оглянувшись, с удивлением увидела, что всё вокруг пришло в упадок и разорение. В трещинах между мраморными плитами пробивалась сорная трава. Дикий кустарник ломал и крошил камни балюстрады. В трещинах неподвижно лежали серо-зелёные ящерицы. Блестящими глазами они провожали Фаустину.

Но больше всего Фаустину поразили тишина и безлюдье, царившие вокруг. В прежние времена по лестнице сновали вверх и вниз толпы рабов, воинов, танцовщиц. Великаны-ливийцы несли на носилках сенаторов, искателей милостей императора и удачи. Ни одной живой души! Тишина и запустенье.

«Теперь никто не боится гнева императора, не ждёт от него даров и подачек, — с го-

— Пожалуй, нам лучше спешиться и дальше идти пешком, — мрачней всё больше, сказал Сульпиций. — Лишь бы у тебя хватило сил дойти до дворца наместника. Там примут тебя с подобающим почётом, а уж потом мы подумаем, что нам делать. Я боюсь за тебя, Фаустина, боюсь, тебе не под силу совершить то, что ты задумала.

— Ты не знаешь, сколько сил у любви и отчаянья, — тихо возразила Фаустина и тут же добавила: — Но ты прав, давай спешимся, верхом тут не проедешь. Мы только попусту потратим время и ничего не узнаем о пророке из Назарета.

— О пророке из Назарета? — подхватила юная черноволосая женщина с маленьким ребёнком на руках. Глаза у мальчугана были круглые и блестящие. Он сосал пальчик и поглядывал на Фаустину так шаловливо, что той захотелось приласкать прелестного ребёнка.

— Посмотри, госпожа, — продолжала молодая иудейка, — видишь, там у стены сидит человек. Это Пётр, ученик пророка. Спроси его, уж он-то наверное знает, где найти того, кого ты ищешь.

Фаустина выбралась из толпы и подошла к человеку, сидевшему привалившись спиной к каменной ограде. Он сидел скорчившись, обхватив колени руками, низко опустив голову.

— Друг мой! — Фаустина нетерпеливо тронула его за плечо. — Прошу тебя, скажи, где мне найти твоего учителя, пророка из Назарета?

Человек вздрогнул и поднял голову. Он был ещё не стар, но в густых чёрных волосах ярко блестели седые пряди. Какое-то время он бессмысленно вглядывался в лицо Фаустины, стараясь понять, о чём она спрашивает.

— Зачем ты мучаешь меня? — просто-на-просто он. — Что тебе надо? Иди своим путём, знатная римлянка. Оставь меня... — Кажется, он в тот же миг забыл о Фаустине, поглощённый одной жгучей, пожирающей его болью. — Голос моего учителя... Я слышу его, он горит во мне, сердце моё обуглилось: «Пётр, Пётр, в эту ночь, прежде чем пропоёт петух, ты трижды отречёшься от меня...» И я отрёкся. Трижды отрёкся от своего учителя. Боже, будь милостив ко мне, грешному!

Красивая иудейка с ребёнком на руках тоже подошла поближе. Малютка, что-то ласково лепеча, потянулся к Петру.

Но Пётр одним прыжком вскочил на ноги, кинулся в толпу и исчез.

Фаустина с недоумением посмотрела ему вслед.

— Этот человек безмерно страдает. Ты слышал, Сульпиций, что он сказал: «Я трижды отрёкся от своего учителя...» Несчастный... Он потерял разум от горя, от него мы всё равно ничего не узнали бы. Пойдём дальше...

— Ах, постойте! — Молодая женщина остановила Фаустину. — Смотри-ка, вон идёт Иуда! Он тоже ученик пророка из Назарета. Но что с ним? Какие у него страшные глаза! Если не побоишься, спроси его о пророке. А хочешь, я спрошу сама?

Она протиснулась через толпу и ухватила за рукав невысокого мужчину.

Фаустина лишь на миг взглянула на Иуду и тут же отвела взгляд. Что-то омерзительное, пугающее было в его лице. Так выглядит человек, замысливший или совершивший ужасное злодейство.

— Где ваш учитель? — спросила молодая женщина. — Вы, его ученики, разбежались, прячься в толпе. Где же пророк из Назарета, ответь мне, Иуда!

Но Иуда стиснутыми кулаками с силой ударил себя в грудь, он словно обезумел.

— Я бросил тридцать серебряников в храме, но что с того? Поздно, поздно... — На губах Иуды выступила пена. Фаустине показалось, в его глазах клубится чёрный дым. — За тридцать серебряников я предал кровь невинную...

С исступлённым воплем Иуда рухнул на камни, и его скрыл мутный столб пыли, поднятый проехавшим всадником.

Когда всадник свернул за угол и пыль осела, Иуда уже исчез.

— Он что-то задумал. Меня бросило в дрожь, — с внезапной уверенностью сказала Фаустина. — Сульпиций, ты видел в его руках длинную верёвку? А его глаза? Это глаза мертвеца. Можно подумать, он сейчас пойдёт и удавится.

Тем временем прохожих становилось всё больше. Напрасно Сульпиций пытался раздвинуть тесную толпу, чтоб уберечь Фаустину от давки и толчеи.

— Мне сдаётся, все наши усилия напрасны. — Фаустина совсем пала духом. — Ученики пророка несут какую-то невнятицу, убегают в страхе и смятении, как затравленные звери. Может, их учитель утратил свою целительную силу? Нет, боюсь, он не спасёт несчастного императора...

С большим трудом они добрались до конца улочки и оказались на площади, забитой толпами людей.

Вдали, сквозь жаркое марево, они разглядели высокий дворец римского наместника, окружённый мраморной колоннадой.

— Вот и конец нашего пути, — сурово и решительно сказал Сульпиций. — Ты сделала всё что могла, Фаустина. Я же вижу, силы твои на исходе. Я не могу принести императору скорбную весть о твоей кончине в пути. Уж как-нибудь мы доберёмся до дворца наместника. Там в тенистых залах, на мягком ложе, ты отдохнёшь... Довольно бесцельных поисков и расспросов. Будь разумна, Фаустина. Порой лучшие намеренья и надежды тают, как сны.

Фаустина с безнадежным вздохом опустила голову. Да, наверно, Сульпиций прав, надо смириться, ей не спасти императора...

В это время издалека слышались дикие крики и шум. От дворца наместника к Вратам Справедливости и на Голгофу двигалось шествие с преступником, осуждённым на распятие. Впереди бесновались какие-то подвыпившие юнцы. Видно, они крепко накачались вином и теперь вопили и размахивали руками. Они были в восторге, что натешатся зрелищем, которое не каждый день доведётся увидеть.

Вслед за ними, испуганно прижавшись друг к другу, шли женщины в темных покрывалах. Они в смятении ломали руки и приглушённо рыдали.

Чуть поодаль тащились нищие калеки.

— О Боже, — отчаянно взывали они, — спаси его! Пошли своего ангела и спаси его!

Потом показались римские воины, надменные, равнодушные, на тяжёлых могучих конях.

И вот наконец Фаустина увидела осуждённого на распятие.

Палачи взвалили ему на плечи грузный деревянный крест. Под его тяжестью осуждённый низко склонился к земле, и лица его было невозможно разглядеть.

С изумлением Фаустина увидела, что на осуждённом пурпурный плащ, а на голове терновый венец с колючими шипами.

— За что его приговорили к казни? — спросила она.

— Он захотел стать царём, — ответил ей кто-то из стоящих рядом.

— Тогда ему придётся умереть из-за цели, которой не стоит домогаться, — с грустью промолвила Фаустина.

Между тем палачи обвязали осуждённого верёвкой и начали безжалостно тянуть за неё, чтоб заставить его идти быстрее.

Женщины, не помня себя, с рыданиями бросились к нему. Какие-то юноши голыми руками пытались раздвинуть острые скрещённые мечи.

Но воины с бранью и угрозами оттеснили их и плотным кольцом окружили осуждённого.

Услышав испуганные горестные голоса женщин, осуждённый поднял голову, и Фаустина увидела его лицо. Оно было всё в багровых подтёках, а с высокого бледного лба, израненного острыми терновыми шипами, капала алая кровь.

Фаустина только на миг встретилась с ним взглядом, и тут же всё, что окружало её, померкло, погасло, остались только его глаза, полные света. В них не было ни страха, ни боли, только безграничная любовь и сострадание к ней, к Фаустине, и дальше, и шире, охватывая и освещая весь мир.

Невольно, забыв обо всём, как заворожённая, Фаустина шагнула к осуждённому.

Воины неохотно, но всё-таки расступились перед знатной римлянкой.

Слёзы невольно хлынули из глаз Фаустины. Её душу наполнила пронзительная жалость и скорбь. Растаяли и исчезли терзавшие её печали и тревоги. Сама не сознавая, что она делает, желая одного — хоть как-нибудь облегчить его страдания, она наклонилась над ним, дрожащей рукой провела по его лицу своим платком из прохладной тонкой ткани и отёрла капли пота и кровь.

Но палачи, досадуя на промедление, с дикой поспешностью повлекли за собой осуждённого.

Фаустина протянула ему вслед свои бессильные старческие руки в тщетной надежде его удержать. Ей казалось, что у неё

отняли единственное бесценное сокровище, без которого её жизнь теряет смысл и радость.

— Он не должен умереть! Нет, нет! Опомнитесь, безумные! Он не должен умереть! — задыхаясь, крикнула Фаустина.

Невыразимая печаль и гнев овладели ею. Но едва она сделала один шаг, голова у неё закружилась, она пошатнулась и без чувств упала на руки подоспевшего Сульпиция.

Стоявший рядом юноша помог Сульпицию. Вдвоём они внесли Фаустину в маленькую тёмную лавчонку, всю уставленную глиняной посудой.

Хозяин лавки оказался человеком услужливым и добрым, к тому же Сульпиций тут же сунул ему в руку золотую монету.

Жена хозяина принесла циновку и устроила для старой женщины ложе, сдвинув в сторону кувшины и миски. Она положила на лоб Фаустины тряпицу, смоченную холодной водой, хлопала её по щекам, тёрла ладони, но Фаустина лежала неподвижно, словно неживая.

Сульпиций места себе не находил от беспокойства.

Внезапно сгустился душный гнетущий сумрак. Вся пёстрая игра красок на расписных кувшинах, на цветущем под окном дереве медленно погасла.

— Неужели уже наступил вечер? — с удивлением спросила жена хозяина и зажгла тусклый масляный светильник.

— Право же, в его свете мы все похожи на мертвецов, — хмуря брови, заметил Сульпиций. — Лица у нас серые, а губы совсем почернели.

Тут светильник мигнул и погас, будто кто-то невидимый дунул на него.

— Откуда такая тьма! — испуганно вскрикнул хозяин. — Ещё не вечер, солнце ещё не зашло! А я, как слепец, не вижу даже своих рук...

Вдруг где-то в отдалении жалобно заскулила собака. И в тот же миг утлая лавчонка содрогнулась, земля заколебалась под ногами. Послышался отдалённый грохот. На полках в лавке задрезжала и загремела посуда.

Фаустина глубоко вздохнула и очнулась. Она приподнялась, опираясь на локоть.

— Его казнили! Я знаю, он умер... — горестно прошептала Фаустина. — Это был святой...